

DOI: 10.33876/2782-5000/2024-11-3/70-23

О ПРОТОАЗИАТСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЕЁ МЕСТЕ В ПОПУЛЯЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИБагашёв А.Н.¹, Солодовников К.Н.^{2,3}¹Центр этноэкологических и технологических исследований Сибири (г. Тюмень)²Тюменский научный центр СО РАН (г. Тюмень)³Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

 РЕЗЮМЕ: Проведены систематизация краниологических материалов мезолита, неолита и энеолита центральных регионов Северной Евразии, и их многомерное статистическое сравнение. Подтвержден сложный и многоуровневый характер антропологической дифференциации древнего населения этой территории. Предложен вариант определения таксономического положения краниологических находок неолита-энеолита с территории лесостепной полосы Западной Сибири в качестве древнего варианта западносибирской расы – протоазиатской формации.

 КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неолит, энеолит, Западная Сибирь, палеоантропология, краниометрия, протоазиатская формация.

Первоначальный вариант данной работы был подготовлен для оставшегося неопубликованным издания – «В этой связи...»: Сборник статей к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой. М.: «Буки Веди», 2019.

 ВВЕДЕНИЕ. Общеизвестны и не могут быть оспорены научные заслуги М.М. Герасимовой в развитии обширных областей физической антропологии, сохранении научного наследия отечественных специалистов-антропологов, определении задач, методов, границ и предмета палеоантропологии (Герасимова, 2004; Герасимова, Пежемский, 2015), однако наибольший объем её научных работ связан с краниологией. В последние десятилетия Маргарита Михайловна, нередко в сотрудничестве с исследователями, для которых является учителем и наставником, сконцентрировалась на изучении древнего, средневекового и близкого к современности населения Северного Кавказа. Но не менее значимы результаты исследования палеоантропологических находок палеолита (Герасимова и др., 2007) и мезолита (Герасимова, Пежемский, 2005) с территории Восточной Европы. Участвуя в дискуссии о проблеме наличия древней монголоидности в составе восточно-европейских популяций лесной полосы, М.М. Герасимовой были рассмотрены краниологические материалы эпохи неолита северных и центральных районов Восточной Европы и Урала, и приведена табличная сводка данных (Герасимова, 1986). Их обобщение позволило сделать вывод об отсутствии монголоидного компонента, и о европеоидной в своей массе принадлежности древних популяций лесной полосы Восточно-Европейской равнины (Там же). Отдельное направление научных интересов М.М. Герасимовой, посвященное изучению древнейшего населения Восточной Сибири, сформировалось практически с самого начала ее исследований в области физической антропологии. Так, результаты изучения черепов неолита и бронзы из Фофановского могильника в Забайкалье и Шумилихинского в Прибайкалье позволили подтвердить гипотезу о сохранении недифференцированного прото-

О ПРОТОАЗИАТСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

монголоидного комплекса у раннеолитического населения Восточной Сибири, выделить несколько локальных краниологических вариантов монголоидного типа у популяций позднего неолита и бронзы, и предположить приток европеоидов в Прибайкалье и его контакты с прото-монголоидными группами (Герасимова, 1981; 1992). На основании исследования краниологических материалов из неолитического могильника Долгое Озеро в Красноярско-Канской лесостепи М.М. Герасимовой одной из первых было отмечено существование расо-генетического пласта древнего азиатского населения с брахикранной формой мозговой коробки, умеренно уплощенным в горизонтальном плане и низким по монголоидному масштабу лицевым скелетом (Герасимова, 1964).

На территории Северной Азии и в настоящее время наиболее древние исследованные серийные палеоантропологические материалы происходят из могильников эпохи неолита. Однако в данном отношении территория изучена неравномерно: сравнительно хорошо в численном отношении представлены палеоантропологическими материалами Циркумбайкальский регион, предгорно-равнинный Алтай, Барабинская лесостепь. Все еще немногочисленны краниологические находки из Красноярско-Канского района, могильников Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья. Они объединяются в соответствующие серии черепов, но при этом археологический контекст позволяет относить некоторые из них к широкому хронологическому периоду и датировать поздним неолитом – энеолитом. Для Горного Алтая известны лишь два черепа доафанасьевского времени из пещерных захоронений в его северной части. Имеются немногочисленные серии и единичные энеолитические черепа из лесостепи Северного Казахстана, Притоболья и Прииртышья, мезолита и неолита Среднего и Южного Урала. Совершенно не представлены палеоантропологическими материалами добронзовой эпохи районы Казахского мелкосопочника и обширные лесные территории северной части Западной Сибири.

При установлении систематического положения краниологических материалов эпохи камня центральных областей Северной Евразии исследователями констатировалось смешение монголоидных и европеоидных комплексов, нередко при преобладании одного или другого. Даже в отношении древних прибайкальских групп предполагалась некоторая доля участия европеоидного компонента в сложении его антропологического состава (Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Мамонова, 1973, 1980; Гохман, 1980; Герасимова, 1992), а та или иная степень выраженности монголоидных (или «псевдомонголоидных») особенностей фиксировалась у древних групп мезолита-неолита лесной полосы Восточной Европы вплоть до Прибалтики, и даже западнее (Жиров, 1940; Якимов, 1956; 1960б; Беневоленская, 1984; Герасимова, 1986; Гохман, 1984; 1986; Денисова, 1975; 1997; и др.). В целом, население центральных регионов севера Евразии в добронзовую эпоху исходя из современной антропологической систематики характеризуется морфологической промежуточностью по отношению к европеоидному и монголоидному стволам – мезо-неолитические черепа в основном характеризуются как европеоидные с монголоидной примесью или наоборот, а выраженность европеоидных морфологических особенностей в общем нарастает с востока на запад (Зах, Багашёв, 1998; Багашёв, 2017). Но этим характер межгрупповой изменчивости не ограничивается – по аналогии с неконсолидированной северной евразийской антропологической формацией древнего населения Западной Сибири и севера Восточной Европы, выделение которой предложено В.В. Бунаком (1956; 1980), Т.А. Чикишевой на палеоантропологических материалах древних эпох Алтае-Саянского нагорья выделена особая южная евразийская антропологическая формация в составе бореального надрасового ствола (Чикишева, 2012). Она также неконсолидированная с позиции традиционной расовой систематики, и, как и для популяций северной евразийской антропологической формации, ее характеризуют признаки фенотипически промежуточного европеоидно-монголоидного (или монголоидно-европеоидного) типа в строении лицевого отдела. Отличия проявляются, главным образом, в преобладающих особенностях мозговой коробки: высокая долихо-мезокранная в группах северной антропологической формации, и средневысокая мезо-брахикранная

– южной антропологической формации. Различия прослежены и в строении лицевого отдела: умеренной уплощенности средневысокого лицевого отдела, высоким переносом при умеренном выступании носовых костей над общей линией ортогнатного лицевого профиля у групп южной формации; и более сильная горизонтальная профилировка на среднем уровне и орто-мезогнатная вертикальная у популяций северной евразийской формации. При этом на территории Западной Сибири находятся юго-восточные окраины северной евразийской антропологической формации (Северная Бараба), чей ареал огромен, и также занимал лесную зону Восточной Европы (Чикишева, 2012, с. 56-57). Область распространения южной евразийской антропологической формации охватывал обширные территории степных и горно-степных регионов центральных областей Евразии, что в эпоху неолита маркируется краниологическими материалами из могильников Красноярско-Канской лесостепи, северных предгорий Алтая, погребений в пещерах Горного Алтая, а также из могильника Тумек-Кичиджик кельтеминарской культуры Южного Приаралья, население которой имело общий антропологический субстрат с североалтайским (Чикишева, 2012).

Картину антропологической дифференциации древних популяций срединных областей Евразии усложняет влияние третьего, также неконсолидированного краниологического комплекса, но уже с преобладанием монголоидной специфики – палеосибирского, представляющего в антропологическом отношении неолитическое население Прибайкалья. Его характеризуют монголоидное соотношение основных отделов черепной коробки, покатый лоб, горизонтальная уплощенность высокого лицевого отдела, относительно высокое переносье и выступающий нос по сравнению с монголоидными группами более восточных регионов Азии (Чикишева, 2012, с. 53-60). Влияние данного антропологического типа восточносибирского происхождения, с предполагаемым участием дополнительного европеоидного компонента, определялось на антропологических материалах неолита северных предгорий Алтая и Бийского Приобья (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5), Кузнецкой котловины, и других районов бассейна Верхней Оби (Дремов, 1980; 1997; Чикишева, 2012; Багашёв, 2017). Неолитические группы Барабинской лесостепи при всей своей культурно-хронологической близости антропологически отличны на уровне могильников – наряду с особенностями северной евразийской антропологической формации, фиксирующимися в сериях из могильников Протока, Сопка-2/1, Венгерovo-2А (Полосьмак и др., 1989; Чикишева, 2012; Чикишева и др., 2015), на черепках из могильника Корчуган проявляется антропологический комплекс признаков, сближающий их с краниологическими материалами из неолитического могильника Усть-Иша в предгорьях Алтая (Молодин и др., 1999; Чикишева, 2012). Выявленное сходство последних барабинских краниологических находок с материалами из степных районов Верхнего Прииртышья (Солодовников и др., 2019) позволило расширить до этих областей ареал южной евразийской формации на западе, а сходство неолитических серий Кузнецкой котловины с суммарной из Барабинской лесостепи предполагает необходимость расширения ареала северной евразийской формации на восток (Козинцев, 2021). Более того, учитывая относительное морфологическое единство западносибирских краниологических серий, и отличие всех азиатских групп неолита-энеолита от большинства синхронных и предшествующих восточно-европейских, в т.ч. с ослаблением европеоидных особенностей, предложено отказаться от термина «северная евразийская антропологическая формация» в отношении совокупности краниологических материалов с территории лесной полосы Восточной Европы и лесостепных районов Западной Сибири (Солодовников и др., 2019). Для палеоантропологических материалов неолита-энеолита лесостепных районов Западной Сибири исходя из географической локализации предлагается вернуться к термину В.В. Бунака (1956) «протоазиатская формация», морфологической и расо-генетической основой которой является специфический комплекс признаков, являвшийся предковым для народов западносибирской расы (Солодовников и др., 2020).

 **ОБЗОР КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДОБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

Так как в оценке таксономического статуса, компонентов сложения и происхождения древних популяций срединных областей севера Евразии имеются разные мнения, для выяснения их расо-генетических связей проведен межгрупповой статистический анализ серии черепов неолита-энеолита Западной Сибири на морфологическом фоне краниологических материалов синхронных и предшествующих по времени групп населения эпохи камня и энеолита центральных регионов Северной Евразии. Поскольку культурная и даже эпохальная принадлежность многих памятников неолита-энеолита является дискуссионной (это касается, например, могильников бассейна Верхней Оби), то при формировании сравнительных групп культурные особенности принимались во внимание, но критерием выделения серий черепов в первую очередь служила географическая близость могильников. Существенная часть из выделенных локально-территориальных групп совпадает с представленными в сводках краниологических материалов эпохи камня Северной Евразии, составленных Т.А. Чикишевой (2012, табл. I, II) и А.Н. Багашёвым (2017, табл. 3). Учитывая промежуточные европеоидно-монголоидные краниологические характеристики серий с территории Западной Сибири и сопредельных районов, мы ограничились при рассмотрении сравнительных материалов к востоку территорией Восточной Сибири. Исследователями отмечалось, что в составе населения неолита-ранней бронзы восточнее Байкала доминируют монголоидные расовые особенности, а европеоидные практически не ощутимы (Левин, 1956; Гохман, 1980; Герасимова, 1992; и др.). При использовании краниологических материалов Восточной Европы в анализ преднамеренно не включены численно представительные мезолитические и неолитические серии Нижнего Поднепровья как региона степной части Евразии, и ограничились лесной и лесостепной зонами Восточной Европы. Поскольку при возможном модифицирующем воздействии, например, на неолитические группы днепро-донецкой общности морфологического комплекса европейских популяций более северного происхождения с ослаблением европеоидных особенностей по сравнению со степными, в целом население эпохи камня Нижнего Поднепровья проявляет ярко выраженные европеоидные особенности гиперморфного протоевропейского типа (Гохман, 1966; Потехина, 1999; и др.). Группировка приведенных ниже серий осуществлена на основании опубликованных краниометрических данных, но в некоторых случаях использованы неопубликованные измерения авторов.

К западу от Урала на современной территории Северного Казахстана и Курганской области России локализованы энеолитические памятники Ботай и Гладунино-3, измерения черепов из которых опубликованы в ряде работ (по: (Рыкушина, Зайберт 1984; Хохлов, Нечвалода, 2002)). Вместе с недавно введенными в оборот материалами из могильников энеолита Тургайского прогиба Кумкешу и Бестамак в Кустанайской области (Колбина, Солодовников, 2023), и неопубликованными измерениями авторов двух неполных разнополых черепов из энеолитического погребения могильника Устюг-1 на юге Тюменской области они составляют серию энеолита степных районов Тоболо-Ишимского междуречья и бассейнов Тобола и Ишима в лесостепной полосе Западно-Сибирской низменности. Средние краниометрические данные этой серии **энеолита степного и лесостепного Тоболо-Ишима** представлены в табл. 1. Краниологические материалы неолита и энеолита из могильников Шидерты-3, Железинка, Омская ст. и Усть-Куренга степной и лесостепной полосы также на территории Казахстана и России (Солодовников и др., 2019) дополнены измерениями мужского и женского черепов из могильника Майское V на юге Павлодарской области (неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова), и вместе составляют серию **неолита-энеолита Среднего Прииртышья** (табл. 1). Индивидуальные измерения черепов из неолитических могильников Протока, Сопка-2/1 (Полосьмак и др., 1989), Корчуган (Молодин и др., 1999), Венгерovo-2А (Чикишева и др., 2015) суммированы (Солодовников и др., 2019, табл. 2) в серию **неолита Барабинской лесостепи** (табл. 1).

Краниометрические параметры нео-энеолитических черепов из могильников Ордынское Ia, б, е, Чудацкая Гора, Крутиха V, Раздумье Ib (Алексеев, 1961; Дремов, 1985), Иня-4 (Шпакова, Мыльникова, 1998) объединены в сборную серию **неолита-энеолита Новосибирско-Каменского Приобья**. Череп из последнего могильника включен в нее на основании культурной близости (Чикишева, 2012, с. 10) (табл. 1). Краниологические материалы из могильников Кузнецкий (Алексеев, 1961; Дремов, 1997), Лебеди II, Васьково IV (Дремов, 1997; Чикишева, 2012), Заречное I (Дремов, 1997) сгруппированы в серию **неолита Кузнецкой котловины** (табл. 1). Измерения фрагментарных черепов из могильников Лебеди II и Васьково IV, отсутствующих у Т.А. Чикишевой (2012), взяты из монографии В.А. Дремова (1997). Краниологическая серия из могильника Фирсово XI (Солодовников, Тур, 2017) представляет население неолита **Барнаульского Приобья** (табл. 1). Широко известные краниологические материалы периода неолита из могильников Усть-Иша и Иткуль (Большой Мыс) в предгорной и равнинной частях Алтая соответственно (Дремов, 1980) перераспределены в две серии исходя из территориально-ландшафтных особенностей и культурно-типологической близости неолитических некрополей бассейна Верхней Оби (Марочкин, 2014). Первую из них составляют черепа **неолита Бийского Приобья** (табл. 1, 2) из могильников Большой Мыс и Костенкова Избушка на оз. Иткуль (совр. – Уткуль) (Дремов, 1986; 1997); вторую – **неолита северных предгорий Алтая** (табл. 2) из могильников Усть-Иша (Дремов, 1986) и Солонцы-5 (Чикишева, 2005). Краниологические материалы **неолита Горного Алтая** представляют измерения мужского черепа из Нижнетыткескенской пещеры I (Ким, Чикишева, 1995) и женского из Каминной пещеры (Чикишева, 2000), размеры которого скорректированы на «мужские» для возможности использования в межгрупповом анализе мужских серий (табл. 2). По краниологическим данным из могильников Базаиха, Перевозное, Красноярск (Алексеев, 1961) и Долгое Озеро (Герасимова, 1964) с добавлением дополнительных материалов из погребений у г. Красноярск (Солодовников и др., 2020) получена серия черепов **неолита-энеолита Красноярско-Канской лесостепи** (табл. 2). Погребение в Батенях (Минусинская котловина), особенности строения женского краниума из которого рассматривались в связи с вопросами расогенеза древнейшего населения Алтае-Саянского нагорья (Дебец, 1948, С. 68-69; Алексеев, 1961; и др.), датируется временем существования окуневской культуры эпохи бронзы (Поляков, Святко, 2009, С. 23-24).

Далее к востоку небольшую краниологическую серию **неолита Нижней Ангары** (табл. 2) составляют, к сожалению, лишь два мужских черепа (Солодовников и др., 2020). Также, фактически, всего из двух мужских черепов суммирована серия из наиболее древних погребений Байкальского региона. Это черепа периода мезолита из погребений R-8 могильника Локомотив в Приангарье (Базалийский и др., 2013, табл. 1) и на стоянке Нижняя Джилинда в Северном Забайкалье (Пежемский, Рыкушина, 1998), измерения которых дополнены значением черепного указателя мужского черепа из погребения 2 могильника Шукино в Приангарье (Казанцев, Хороших, 1958, с. 45). Цифровые значения данной серии **мезолита Циркумбайкалья** представлены в табл. 2. Использованные для межгруппового анализа краниологические материалы периода неолита с территории Прибайкалья, относящиеся к **китойской, исаковской и серовской культурам Ангары и Верхней Лены** взяты из последней сводки Н.Н. Мамоновой (1986). Поскольку в работах исследователей для характеристики населения **неолита Забайкалья** привлекаются краниологические серии, состоящие, в том числе, из одних и тех же черепов, а также отдельных из них с невыясненной культурно-хронологической принадлежностью (Козинцев, 2021, с. 143, группы 3, 5, 6), нами для межгруппового анализа использована суммарная серия из раннеэнеолитического Фофановского могильника китойской культуры/традиции Забайкалья (Герасимова, 1992; Герасимова и др., 2010; неопубл. измерения К.Н. Солодовникова и А.И. Бураева). Краниологическая серия, характеризующая в антропологическом отношении населения **неолита Якутии**, использована по сводке Т.А. Чикишевой (2012, табл. I, II).

К западу от Западно-Сибирской равнины известны черепа мезо-неолитического времени из Шигирского торфяника (Герасимов, 1955; Дебец, 1953; Багашёв, 2003; Bagashev, 1994; Багашёв, 2017), неолитические из грота Дождевой Камень (Чикишева, 1991) и Бурановской пещеры (Дебец, 1953), измерения которых объединены в сборную серию **мезолита и неолита Южного и Среднего Урала** (табл. 2). Мезолитические черепа: женский из Сиделькино (Маяк-3) (Хохлов, 2012; 2017) и фрагментарный мужской из Албастрово на р. Урал (Шевченко, 1986, табл. 11), чья датировка недавно стала известна (Allentoft et al., 2024, Supp. Data II); неолитические из могильников Лебяжинка-4, Чекалино-4а и 4б, Рассказань (Хохлов, 2012; 2017), Лабазы (Купцова и др., 2019) и Давлеканово (Шевченко, 1986, табл. 11) составляют серию **мезолита-неолита лесостепного Волго-Уралья** (табл. 2). С территории лесостепной и лесной зон Восточной Европы также происходят черепа из могильников Меллятамак-3 и 5 (Яблонский, 1992), Пустая Морквашка, Ново-Мордово (Дебец, 1948), Мурзиха-2 (Хохлов, 2012), измерения которых объединены в серию **энеолита Прикамья** (табл. 3). В сборную серию **энеолита лесостепного Поволжья** суммированы материалы из могильников Хвалынский-1 и 2, Хлопков бугор, Лебяжинка-5, Съезжее-1, Гундоровский и Красноярка (Шевченко, 1980; Мкртчян, 1988; Хохлов, 2012; 2017) (табл. 3). Черепа из энеолитических могильников Екатериновский Мыс и Максимовка I не суммировались по причине отсутствия численности в средних данных некоторых признаков (Хохлов, Григорьев, 2023, табл. 1).

Далее к западу с территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы происходят краниологические материалы, объединенные в суммарную серию **культур ямочно-ребенчатой керамики** неолита северо-западных областей Восточно-Европейской равнины и Волго-Окского междуречья: из погребений могильника Каравайха, со стоянок Модлона, Гавриловская (Акимова, 1953), Языково (Акимова, 1947, табл. 6), Берендеево болото (Мамонова, 1969), Ловецкое озеро, Сахтыш (Алексеева, 1997), а также из раннельяловских погребений (раск. 1, погр. 1 и раск. 2, погр. 4) могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону (Васильев и др., 2018) (табл. 3). Сформирована отдельная сборная серия черепов, происходящих из погребений волосовской культуры со стоянок Панфиловская, Володарская (Акимова, 1953), Ивановское VII, Сахтыш (Алексеева, 1997) и Шагарского могильника (погр. 8, 18, 63, кост. 1) (Яблонский, 1994, табл. 2; Казарницкий, 2008). В неё также включены измерения черепов из могильника Черная Гора родственной с волосовской рязанской культуры (Ефимова, Кондукторова, 1993), вместе формирующих серию **волосовской и рязанской культур Волго-Окского междуречья** (табл. 3).

Суммарную выборку черепов **мезолита и неолита Прибалтики** составляют краниологические материалы из погребений различных хронологических периодов функционирования могильника Звейниекы – мезолит, ранний неолит, средний и поздний неолит, а также из могильников Абора, Крейчи, Юркова (Денисова, 1975) (табл. 3). Объединенная **серия мезолита Северо-Запада Восточно-Европейской равнины** представлена краниологической серией из могильника на Южном Оленьем острове (Якимов, 1960а; Алексеев, Гохман, 1984), двумя мужскими и одним женским черепами из могильника Попово (Гохман, 1984) и мужским краниумом из погребения с территориально близкой к последнему стоянки Песчаница (Герасимова, Пежемский, 2005) (табл. 3). Наконец, учитывая западносибирские морфологические и культурные аналогии, к анализу привлечена серия черепов из могильника кельтеминарской культуры Тумек-Кичиджик **неолита Приаралья** (Яблонский, 1986).

В ландшафтно-географическом отношении используемые серии распределяются в группы, представляющие население лесостепи и степи юга Западно-Сибирской равнины, горных и предгорных районов Алтае-Саянского нагорья Южной Сибири, серии с обширной территории Восточной Сибири, а также лесных и лесостепных пространств северной половины Восточной Европы включая Урал. Особняком в территориальном плане находится серия из могильника Тумек-Кичиджик в Южном Приаралье.

Признак	Энеолит степного и лесостепного Тоболо-Ишимья		Неолит-энеолит Среднего Прииртышья		Неолит Барабинской лесостепи		Неолит-энеолит Новосибирско-Каменского Приобья		Неолит Кузнецкой котловины		Неолит Барнаульского Приобья		Неолит Бийского Приобья	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	186,3(3)	182,6(6)	190,8(4)	182,5(2)	185,0(14)	178,3(9)	186,8(4)	178,7(3)	185,1(7)	179,0(2)	187,7(7)	180,0(2)	187,3(7)	187,3(7)
8. Поперечный диаметр	141,0(3)	136,1(6)	143,5(4)	141,5(2)	139,9(14)	138,1(9)	139,6(5)	138,7(3)	139,7(9)	135,0(2)	143,9(7)	139,5(2)	144,3(7)	144,3(7)
17. Высотный диаметр	135,5(2)	134,7(3)	127,0(2)	132,0(1)	138,4(9)	126,4(5)	135,7(3)	130,0(2)	132,5(4)	123,0(1)	131,8(4)	128,0(2)	130,2(7)	130,2(7)
8:1. Черепной указатель	75,7(3)	74,5(6)	75,4(4)	77,5(2)	75,4(12)	77,5(9)	74,5(3)	75,8(2)	75,5(7)	75,4(2)	76,8(7)	77,6(2)	77,0(7)	77,0(7)
5. Длина основания черепа	105,0(2)	105,3(3)	99,5(2)	97,0(1)	106,6(9)	96,3(7)	101,0(2)	98,3(3)	99,7(3)	96,0(1)	103,5(4)	97,0(1)	99,2(6)	99,2(6)
9. Наименьшая ширина лба	94,2(3)	92,8(6)	94,3(5)	99,1(2)	96,1(14)	94,0(10)	96,2(5)	94,0(4)	96,2(11)	92,5(2)	94,2(7)	101,5(2)	96,5(8)	96,5(8)
32. Угол профиля лба	74,5(2)	80,0(4)	78,7(3)	77,0(1)	77,8(12)	79,9(10)	79,7(3)	81,0(3)	79,7(3)	76,0(1)	81,8(5)	80,0(1)	76,4(5)	76,4(5)
40. Длина основания лица	100,0(1)	103,5(2)	102,0(2)	103,0(1)	106,0(9)	98,1(7)	103,0(2)	99,3(3)	103,1(3)	103,0(1)	108,3(3)	97,0(1)	101,4(5)	101,4(5)
45. Скуловой диаметр	143,5(2)	130,0(2)	136,0(2)	140,5(2)	139,0(8)	132,4(8)	138,3(4)	132,7(3)	139,8(8)	122,5(2)	136,9(7)	136,0(2)	138,4(7)	138,4(7)
48. Верхняя высота лица	70,0(2)	65,3(4)	71,0(4)	67,0(2)	71,6(14)	67,4(10)	71,3(4)	66,3(4)	72,0(5)	78,0(1)	70,5(4)	70,5(2)	74,0(5)	74,0(5)
48:45. Верхн. лицев. ук-ль	48,8(2)	52,8(2)	54,1(2)	49,1(2)	51,8(8)	51,0(8)	52,3(3)	50,7(3)	51,3(5)	60,5(1)	51,2(4)	51,9(2)	53,4(5)	53,4(5)
72. Общий лицевой угол	80,5(2)	79,3(4)	81,0(3)	82,5(2)	81,9(10)	78,5(10)	81,3(3)	82,0(3)	81,5(4)	75,0(1)	82,5(4)	85,0(1)	84,6(5)	84,6(5)
77. Нозо-малярный угол	140,8(3)	143,3(6)	145,2(4)	140,3(2)	140,1(12)	145,1(10)	145,3(4)	147,3(3)	143,9(10)	142,6(2)	144,1(7)	145,5(2)	142,8(8)	142,8(8)
Zam : Зиго-максил. угол	135,0(2)	134,3(4)	132,9(3)	134,2(2)	132,2(7)	132,9(8)	131,4(3)	136,9(3)	136,4(4)	129,9(1)	131,3(3)	135,5(1)	136,5(5)	136,5(5)
51. Ширина орбиты	44,3(2)	42,0(4)	45,0(4)	42,7(2)	46,1(13)	43,0(9)	45,3(3)	43,0(3)	46,5(5)	44,1(2)	42,9(5)	43,0(1)	43,7(6)	43,7(6)
52. Высота орбиты	31,9(2)	32,9(4)	32,7(4)	31,7(2)	32,3(13)	32,8(9)	33,5(4)	33,5(3)	33,5(6)	31,3(2)	30,4(5)	33,9(1)	33,2(6)	33,2(6)
55. Высота носа	50,3(3)	46,9(4)	51,9(4)	49,8(2)	51,9(14)	48,6(10)	55,0(3)	48,3(4)	51,8(5)	51,5(1)	50,9(4)	51,5(2)	52,4(5)	52,4(5)
54. Ширина носа	24,4(3)	24,4(4)	24,7(4)	26,5(2)	25,0(10)	24,2(8)	27,5(2)	24,3(3)	26,1(5)	23,4(1)	23,3(5)	22,3(2)	24,2(5)	24,2(5)
75 (1). Угол выступ. носа	31,0(2)	22,3(4)	29,0(3)	21,5(2)	18,6(8)	18,6(7)	20,5(2)	27,7(3)	15,8(4)	15,0(1)	22,0(2)	23,0(1)	22,4(5)	22,4(5)
SC. Симметрическая ширина	8,6(3)	10,2(4)	7,5(3)	8,3(1)	7,7(11)	8,6(8)	8,2(2)	6,6(3)	7,3(7)	7,7(1)	7,83(4)	8,0(1)	7,5(6)	7,5(6)
SS. Симметрическая высота	4,5(3)	4,6(4)	4,3(3)	2,7(1)	3,5(10)	3,8(8)	3,3(2)	2,8(3)	3,0(7)	2,4(1)	3,03(4)	3,3(1)	3,3(6)	3,3(6)
DC. Дакриальная ширина	24,6(2)	23,4(3)	24,7(2)	25,0(1)	24,0(6)	23,0(7)	20,5(1)	21,5(3)	22,7(3)	-	23,4(4)	21,0(1)	22,5(5)	22,5(5)
DS. Дакриальная высота	12,9(2)	10,0(3)	13,0(2)	9,3(1)	13,1(6)	11,9(7)	12,0(1)	10,9(3)	11,1(3)	-	11,8(4)	14,9(1)	12,3(5)	12,3(5)

Таблица 1. Серии черепов неолита и энеолита Западной Сибири и Северного Казахстана

О ПРОТОАЗИАТСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Признак	Неолит Бийского Приобья		Неолит северных предгорий Алтая		Неолит Горного Алтая		Неолит-энеолит Красноярско-Канской лесостепи		Неолит Нижней Ангары		Мезолит Циркум-байкаля		Мезолит и неолит Южного и Среднего Урала		Мезолит и неолит лесостепного Волго-Уралья	
	♀	♂	♀	♂	♂+♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂
1. Продольный диаметр	179,3(4)	191,0(6)	179,7(3)	184,0(2)	184,0(2)	186,0(7)	173,0(5)	179,5(2)	184,5(2)	175,2(4)	170,5(2)	186,6(5)	181,8(4)			
8. Поперечный диаметр	138,5(4)	146,8(6)	142,0(3)	148,2(2)	148,2(2)	150,0(7)	146,0(5)	146,0(2)	144,0(2)	136,8(4)	143,5(2)	139,2(5)	136,0(4)			
17. Высотный диаметр	126,0(3)	133,8(5)	138,0(1)	133,0(1)	133,0(1)	133,7(6)	123,4(5)	128,5(2)	133,8(2)	129,5(4)	129,5(2)	135,7(3)	134,0(3)			
8.1. Черепной указатель	78,1(3)	76,9(6)	79,2(3)	80,6(2)	80,6(2)	80,7(7)	84,4(5)	81,4(2)	76,5(3)	78,1(4)	84,2(2)	74,7(5)	74,9(4)			
5. Длина основания черепа	98,3(3)	106,4(5)	99,0(1)	110,7(1)	110,7(1)	101,8(6)	94,2(5)	96,5(2)	103,0(2)	99,0(4)	97,5(2)	103,0(3)	102,0(3)			
9. Наименьшая ширина лба	92,5(4)	94,6(7)	89,7(4)	91,9(2)	91,9(2)	98,4(7)	92,3(5)	94,5(2)	99,0(2)	95,0(4)	94,0(2)	95,6(5)	92,3(5)			
32. Угол профиля лба	76,7(3)	76,1(7)	82,0(1)	81,0(2)	81,0(2)	81,8(5)	84,0(5)	83,0(2)	82,5(2)	83,0(4)	90,0(1)	81,5(2)	84,5(4)			
40. Длина основания лица	100,0(3)	103,0(5)	103,0(1)	107,3(1)	107,3(1)	101,4(5)	97,8(5)	100,5(2)	103,5(2)	94,5(4)	88,0(1)	97,5(2)	100,8(3)			
45. Скуловой диаметр	129,0(3)	142,4(7)	138,5(2)	149,1(2)	149,1(2)	143,8(6)	134,0(5)	140,0(2)	143,0(2)	129,3(3)	125,0(1)	132,3(3)	131,8(4)			
48. Верхняя высота лица	69,5(3)	73,6(7)	73,0(3)	67,9(2)	67,9(2)	72,0(6)	66,0(5)	70,0(2)	73,5(2)	66,2(4)	59,0(1)	74,5(2)	69,0(2)			
48.45. Верхний лицевой указатель	53,9(3)	51,6(7)	51,1(2)	45,6(2)	45,6(2)	50,0(6)	49,3(5)	50,0(2)	51,6(2)	51,0(3)	47,2(1)	55,3(2)	53,1(2)			
72. Общий лицевой угол	82,3(3)	88,1(7)	80,0(1)	87,5(2)	87,5(2)	84,8(5)	84,6(5)	84,0(2)	86,0(2)	85,5(4)	86,0(1)	86,0(2)	84,5(2)			
77. Назо-маллярный угол	146,4(3)	142,9(7)	146,7(4)	147,1(2)	147,1(2)	146,7(6)	150,3(5)	145,4(2)	149,0(2)	141,8(4)	144,0(2)	140,9(4)	142,3(4)			
∠Zm'. Зигма-максиллярный угол	129,7(3)	132,9(6)	129,9(2)	134,8(2)	134,8(2)	134,1(6)	135,9(5)	142,7(2)	141,6(2)	129,5(4)	132,0(1)	121,3(3)	124,0(3)			
51. Ширина орбиты	45,0(3)	44,3(6)	44,6(3)	44,1(2)	44,1(2)	45,2(5)	41,4(5)	41,3(2)	46,0(1)	42,6(4)	42,0(1)	43,8(2)	42,0(4)			
52. Высота орбиты	34,0(3)	33,0(6)	34,3(3)	32,1(2)	32,1(2)	35,0(6)	32,9(5)	34,0(2)	34,3(2)	30,6(4)	33,0(1)	31,5(3)	29,3(4)			
55. Высота носа	50,3(3)	54,1(7)	51,4(3)	53,6(2)	53,6(2)	52,6(6)	47,0(5)	51,4(2)	51,5(2)	48,4(4)	45,0(1)	52,5(2)	48,2(3)			
54. Ширина носа	22,2(3)	24,8(7)	24,7(3)	27,8(2)	27,8(2)	26,2(6)	24,2(5)	23,5(2)	24,3(2)	23,1(4)	24,0(1)	22,6(3)	23,9(4)			
75 (1). Угол выступа носа	23,7(3)	23,9(7)	30,0(2)	27,5(2)	27,5(2)	25,0(5)	20,0(3)	21,5(2)	15,0(1)	30,0(4)	28,0(1)	34,0(2)	18,5(2)			
SC. Симметрическая ширина	5,8(4)	9,4(7)	6,1(3)	7,5(2)	7,5(2)	7,4(5)	8,2(2)	7,5(2)	3,8(1)	8,0(4)	5,8(1)	7,4(2)	7,0(3)			
SS. Симметрическая высота	2,5(4)	4,2(7)	3,6(3)	3,7(2)	3,7(2)	3,1(5)	2,5(2)	2,8(2)	2,4(1)	3,8(4)	4,1(1)	3,5(2)	3,0(3)			
DC. Дакриальная ширина	20,3(3)	22,2(7)	19,4(3)	23,0(2)	23,0(2)	20,2(4)	22,1(2)	25,2(2)	-	21,1(4)	18,0(1)	21,1(1)	21,0(1)			
DS. Дакриальная высота	10,2(3)	11,7(7)	11,7(3)	11,3(2)	11,3(2)	9,1(4)	10,6(2)	11,3(2)	-	12,0(4)	10,0(1)	12,2(1)	-			

Таблица 2. Серии черепов мезолита и неолита Западной, Южной и Восточной Сибири и Волго-Уралья

Признак	Энеолит Прикамья		Энеолит лесостепного Поволжья		Культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны Восточной Европы		Волосовская и рязанская культуры Волго-Окского междуречья		Мезолит и неолит Прибалтики		Мезолит северо-запада Русской равнины	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	189,6(9)	174,4(9)	186,8(36)	178,7(21)	184,9(12)	173,9(8)	185,1(18)	175,7(18)	188,5(61)	179,8(17)	186,9(21)	179,8(13)
8. Поперечный диаметр	145,4(10)	138,2(8)	138,5(36)	137,3(21)	144,2(12)	143,0(8)	140,7(20)	136,1(17)	140,0(65)	137,7(17)	141,2(20)	131,9(13)
17. Высотный диаметр	134,5(4)	133,0(1)	138,4(21)	130,9(10)	137,6(8)	128,1(7)	137,7(13)	134,8(12)	141,3(58)	135,4(11)	138,6(8)	122,5(2)
8:1. Черепной указатель	76,8(8)	80,0(6)	74,0(34)	77,2(21)	78,1(12)	82,3(8)	76,1(18)	77,6(17)	74,3(60)	76,8(16)	75,7(20)	73,5(12)
5. Длина основания черепа	103,5(4)	93,0(1)	103,8(18)	97,6(5)	106,1(8)	92,2(6)	103,9(12)	99,8(12)	105,1(51)	100,1(11)	102,7(6)	95,0(1)
9. Наименьш. ширина лба	99,1(11)	92,7(6)	97,7(38)	95,5(22)	96,8(11)	94,5(8)	95,8(19)	94,3(18)	98,8(63)	94,9(18)	98,4(25)	93,5(14)
32. Угол профиля лба	82,2(4)	86,3(3)	81,1(28)	83,2(15)	78,5(8)	82,1(7)	80,7(10)	85,4(9)	81,2(40)	85,2(8)	77,8(15)	80,7(6)
40. Длина основания лица	95,7(3)	87,0(1)	97,6(15)	89,0(2)	101,5(8)	91,0(6)	101,4(9)	96,9(8)	101,1(41)	96,0(8)	99,3(6)	98,0(1)
45. Скуловой диаметр	138,8(7)	129,2(5)	136,5(27)	129,0(16)	148,6(9)	134,1(7)	141,4(14)	130,7(12)	139,0(50)	131,3(13)	142,6(14)	133,6(10)
48. Верхняя высота лица	69,2(6)	64,3(5)	69,9(24)	64,7(17)	67,9(9)	63,1(7)	71,6(13)	64,7(11)	70,1(50)	65,3(15)	72,3(13)	65,7(7)
48:45. Верхн. лицев. ук-ль	51,3(4)	52,6(2)	52,8(15)	51,2(18)	45,7(9)	47,4(6)	50,5(13)	49,1(10)	50,8(42)	50,4(11)	50,7(11)	50,7(5)
72. Общий лицевой угол	89,3(3)	84,7(3)	84,3(25)	83,4(11)	85,8(8)	82,9(7)	86,4(9)	83,9(10)	83,7(39)	81,8(8)	84,8(11)	85,6(5)
77. Назо-маларный угол	139,7(6)	142,6(6)	139,1(29)	140,4(18)	143,3(8)	145,0(7)	140,0(13)	142,7(14)	140,6(46)	144,1(13)	141,2(19)	142,1(7)
Zm'. Зито-максил. угол	130,5(4)	130,6(5)	124,8(29)	127,2(15)	131,0(9)	134,3(7)	124,7(9)	129,4(8)	126,9(38)	129,4(11)	124,9(6)	129,6(6)
51. Ширина орбиты	44,5(6)	42,8(6)	43,6(31)	42,2(12)	43,9(9)	42,3(7)	43,5(14)	42,0(12)	44,2(57)	43,0(15)	45,0(16)	44,8(6)
52. Высота орбиты	30,7(6)	31,8(6)	31,4(34)	30,8(18)	33,3(9)	32,3(7)	31,2(14)	31,6(13)	32,7(56)	32,3(15)	33,2(16)	32,3(7)
55. Высота носа	52,0(6)	47,1(5)	50,9(26)	46,8(19)	52,4(9)	47,0(7)	52,3(13)	47,4(11)	52,2(50)	48,6(16)	52,7(14)	47,7(7)
54. Ширина носа	25,7(6)	23,8(4)	24,4(25)	25,3(20)	26,2(9)	24,1(7)	25,9(13)	25,0(11)	25,2(52)	23,3(11)	25,9(12)	23,4(7)
75 (1). Угол выступ. носа	26,3(3)	23,0(3)	30,8(14)	25,5(8)	29,3(7)	26,5(4)	29,8(9)	29,8(9)	30,2(37)	25,6(8)	28,6(8)	29,7(3)
SC. Симметрическая ширина	9,7(4)	7,6(3)	8,2(19)	7,7(13)	9,4(6)	8,1(5)	9,9(10)	8,5(11)	9,3(41)	8,4(14)	8,0(19)	9,2(8)
SS. Симметрическая высота	5,2(3)	4,2(2)	4,2(17)	3,6(11)	4,2(6)	3,9(5)	4,6(10)	3,8(11)	4,8(40)	4,0(14)	4,1(19)	5,0(7)
DC. Дакриальная ширина	24,8(2)	-	25,1(10)	20,6(3)	22,1(5)	19,0(3)	19,8(7)	22,2(8)	21,6(36)	19,5(12)	21,8(8)	20,4(1)
DS. Дакриальная высота	13,6(2)	-	11,7(8)	10,8(3)	10,7(5)	8,9(3)	11,3(8)	10,2(8)	12,4(36)	11,1(12)	12,9(8)	13,1(1)

Таблица 3. Серию черепов мезолита, неолита и энеолита лесной и лесостепной полосы Восточной Европы

МЕЖГРУППОВОЕ СРАВНЕНИЕ ДРЕВНИХ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ

Для межгруппового статистического анализа вышеперечисленных краниологические материалы поздних периодов эпохи камня и раннего медного века использован многомерный канонический анализ (программа Ю.К. Чистова 1994 г.). При его проведении наибольшие нагрузки по первому каноническому вектору (КВ I) и у мужчин и у женщин приходятся на признаки, в своем комплексе разделяющие древних европеоидов и североазиатских монголоидов (табл. 4). На положительном полюсе КВ I расположены восточносибирские группы с более широким и низким черепом, узким лбом, высоким уплощенным в горизонтальном плане лицом и высокими орбитами, слабо выступающим носом с низким переносьем в масштабе анализируемых различий. В соответствие с географическим положением наиболее восточные из сравниваемых групп неолита Забайкалья и Якутии расположены на монголоидном полюсе.

№ по Мартину или др. условное обозначение признака	КВ I		КВ II	
	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	0,088	0,023	0,163	-0,228
8. Поперечный диаметр	0,323	0,157	0,155	0,259
17. Высотный диаметр	-0,444	0,168	-0,451	-0,178
9. Наименьшая ширина лба	-0,281	-0,143	-0,217	-0,022
32. Угол профиля лба	0,108	0,105	-0,039	0,314
45. Скуловой диаметр	0,106	0,464	0,075	0,297
48. Верхняя высота лица	0,264	-0,183	0,326	-0,276
72. Общий лицевой угол	-0,040	0,488	-0,049	0,649
77. Назо-малярный угол	0,310	-0,058	0,413	0,005
∠Zm°. Зигмо-максиллярный угол	0,513	-0,125	0,397	-0,021
51. Ширина орбиты	-0,174	-0,387	-0,199	-0,312
52. Высота орбиты	0,245	0,141	0,189	0,157
55. Высота носа	0,022	0,302	0,081	0,013
54. Ширина носа	0,088	0,195	-0,122	0,143
75 (1). Угол выступания носа	-0,182	0,216	-0,238	0,080
SC. Симотическая ширина	-0,064	0,253	-0,023	-0,085
SS. Симотическая высота	-0,152	-0,009	-0,318	0,089
λ. Собственные значения	26,66	6,32	11,79	5,00
P, %. Доля в общей дисперсии	45,8	10,9	31,5	13,4

Таблица 4. Величины нагрузок первых двух канонических векторов (КВ I-II) краниологических серий мезолита, неолита и энеолита севера Евразии

В противоположном направлении нагрузок первого канонического вектора находятся серии с территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы, характеризующиеся в целом высокой и менее широкой мозговой капсулой с широким лбом, невысоким сильно профилированным в горизонтальном плане лицом, низкими орбитами, высокими и сильно выступающими к линии общего лицевого профиля носовыми костями. Большинство мужских и женских краниологических серий с равнинной территории Западной Сибири и горных и предгорных районов Алтае-Саянского нагорья занимают промежуточное положение по КВ I между этими двумя морфологическими полюсами. Мужские черепа из кельтеминарского могильника Тумек-Кичиджик в Приаралье также характеризуются морфологической европеоидно-монголоидной промежуточностью на уровне групп с территории Западной и Южной Сибири (рис. 1).

Результаты межгруппового анализа женских серий из могильников центральных регионов севера Евразии указывают на сходную с мужскими группами морфологическую дифференциацию по КВ I (рис. 2). Как и у мужских, западно- и южносибирские серии черепов расположены между западными и восточными с территории Восточной Европы и Восточной

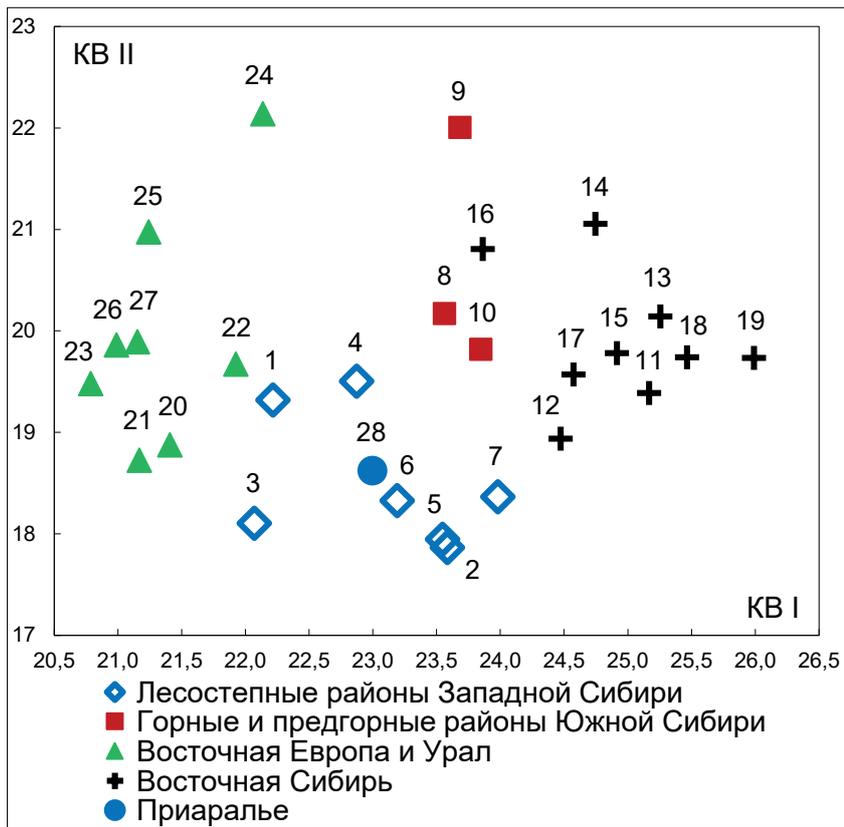

Рис. 1. Результаты канонического анализа суммарных мужских серий мезолита, неолита и энеолита севера Евразии. Обозначения: 1 – энеолит степного и лесостепного Тоболо-Ишимья; 2 – неолит-энеолит Среднего Прииртышья; 3 – неолит Барабинской лесостепи; 4 – неолит-энеолит Новосибирско-Каменского Приобья; 5 – неолит Кузнецкой котловины; 6 – неолит Барнаульского Приобья; 7 – неолит Бийского Приобья; 8 – неолит северных предгорий Алтая; 9 – неолит Горного Алтая; 10 – неолит-энеолит Красноярско-Канской лесостепи; 11 – неолит Нижней Ангары; 12 – мезолит Циркумбайкаля; 13 – китойская культура Ангары; 14 – исаковская культура Ангары; 15 – серовская культура Ангары; 16 – китойская культура Верхней Лены; 17 – серовская культура Верхней Лены; 18 – китойская культура Забайкаля; 19 – неолит Якутии; 20 – мезолит и неолит Южного и Среднего Урала; 21 – мезолит и неолит лесостепного Волго-Уралья; 22 – энеолит Прикамья; 23 – энеолит лесостепного Поволжья; 24 – культуры ямочно-гребенчатой керамики неолита лесной зоны Восточной Европы; 25 – волосовская и рязанская культуры Волго-Окского междуречья; 26 – мезолит и неолит Прибалтики; 27 – мезолит северо-запада Русской равнины; 28 – кельтеминарская культура Прикаспия.

Сибири соответственно. На европеоидном полюсе находится серия из могильника Тумек-Кичиджик, которая в отличие от мужской из этого могильника морфологически сходна с южными европеоидными группами (Яблонский, 1986). Отличия заключаются также в обособлении на двухфакторном поле наиболее восточных серий от остальных сибирских и восточно-европейских, которые различаются между собой менее, и образуют градиент изменчивости морфологических параметров. По результатам анализа женских групп отделяется от всех малочисленная и очень своеобразная серия из Кузнецкой котловины (Чижишева, 2012). Все же, как и другие западносибирские группы, она занимает промежуточное положение по нагрузкам на КВ I между европеоидными лесной полосы Восточной Европы и монголоидными Восточной Сибири. Кроме этого, женские черепа из могильников северных предгорий Алтая, возможно в силу единичности в наблюдениях признаков, среди всех сибирских групп морфологически наиболее сближается с восточно-европейскими.

Второй канонический вектор (КВ II) дифференцирует в основном серии с территории Восточной Европы, Западной и Южной Сибири. Наибольшие положительные нагрузки по нему при анализе и мужских и женских групп приходятся на ширину черепа и скуловой диаметр и угол общего лицевого профиля, отрицательные – на верхнюю высоту лица и ширину орбит. Анализируемые серии из центральных областей севера Евразии по КВ II распределены,

О ПРОТОАЗИАТСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

во-многом, в соответствии с территориальным нахождением в регионах Южной и юга Западной Сибири, и, соответственно, принадлежностью к южной евразийской и северной евразийской антропологическим формациям (по Т.А. Чикишевой). В соответствии с нагрузками и положением женских и мужских групп на поле первых двух канонических переменных в целом они мало отличаются по признакам, разделяющим европеоидные и монголоидные популяции. Но относящиеся к южной антропологической формации группы характеризуются большей шириной черепа и более широким и ортогнатным невысоким лицевым отделом (что находится в соответствии с данными Т.А. Чикишевой (2012)), и одновременно несколько меньшей шириной орбит (что выявляется с помощью проведенного анализа). Серии же с территории южной части Западно-Сибирской равнины по результатам анализа краниометрических данных характеризуются меньшей шириной черепной коробки и менее широким лицом с тенденцией к мезогнатности его вертикального профиля при более широких орбитах.

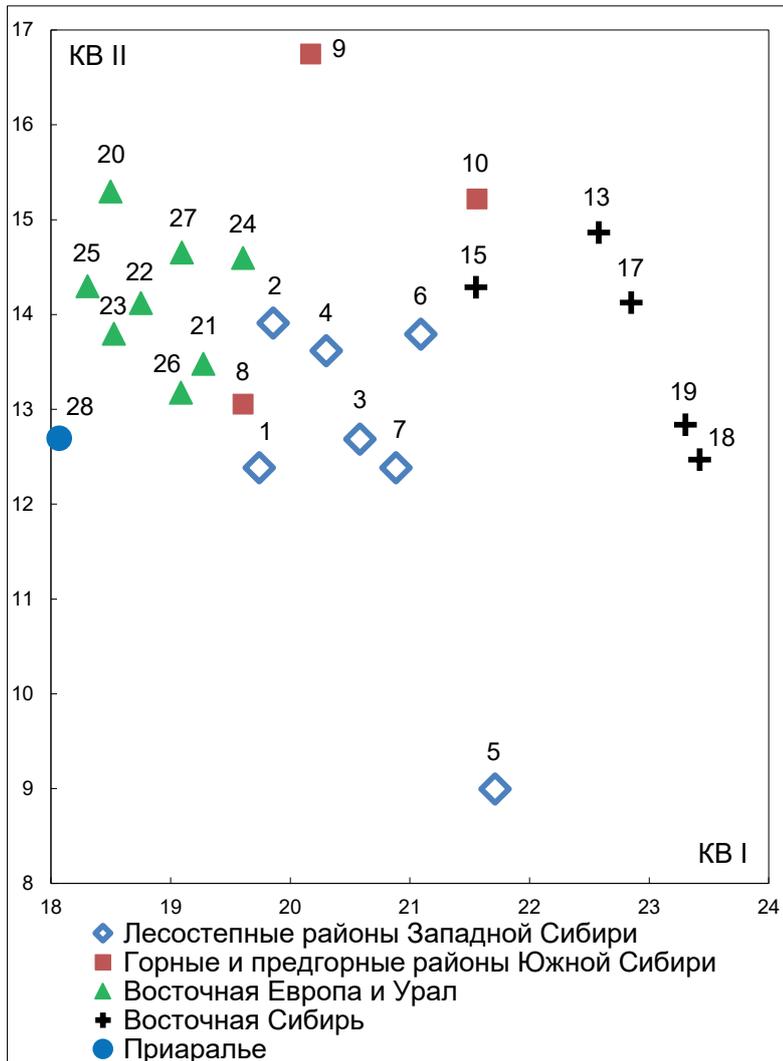

Рис. 2. Результаты канонического анализа суммарных женских серий мезолита, неолита и энеолита севера Евразии. Обозначения: См. Рис. 1.

Также следует отметить среди всех восточно-европейских групп наибольшие положительные нагрузки по KV I у обеих разнополюх серий культур гребенчато-ямочной керамики неолита лесной полосы Восточной Европы, и морфологическую дистанцию мужской от иных из них по KV II (рис. 1, 2). Краниологические серии Восточной Сибири, включая черепа из погребений периода неолита Нижней Ангары, более однородны по второму каноническому вектору, а мужские черепа мезолита Циркумбайкалья с наиболее низкими значениями по KV II среди восточносибирских групп примыкают к их скоплению (рис. 1).

Как и по результатам многомерного анализа, при рассмотрении отдельных признаков (табл. 1), неолитические группы Барабинской лесостепи вместе с сериями неолита Новосибирско-Каменского Приобья и Кузнецкой котловины проявляют особенности специфического краниологического типа, включающие долихокранную форму высокой или средневысокой черепной коробки; наклонный среднеширокий лоб; большие значения длины основания лица, превышающие или близкие значениям длины основания черепа; в соответствии с этим угол общей вертикальной профилировки лица близ пограничных малых и средних значений признака; умеренно широкое и средневысокое лицо со средней его горизонтальной профилировкой; очень широкие средневысокие выражено хамаконхные орбиты; средние или большие размеры и средние пропорции носового отдела; слабое или очень слабое выступание носа при средней относительной высоте переносья и носовых костей (табл. 1). Черепа из лесной/лесостепной зоны Среднего Прииртышья (Солодовников и др., 2019) и из Тоболо-Ишимья (Колбина, Солодовников, 2023; и др.) в общем соответствуют этой характеристике при возможном существенном проявлении индивидуальной и групповой изменчивости.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, группировка исследованных материалов с их добавлением, и проведенный межгрупповой анализ позволяют вернуться к вопросу об антропологических общностях древнего населения центральных регионов Северной Евразии. Согласно концепции Т.А. Чикишевой, неолитическими группы Барабы соответствуют юго-восточной окраине северной евразийской антропологической формации, чей ареал огромен, и включал лесную зону Восточной Европы вплоть до бассейна Белого моря, Карелии, Поонежья, Прибалтики (Чикишева, 2012. с. 56, рис. 4). Однако, как выясняется, черепа из неолитических могильников в Барабинской лесостепи не столь морфологически специфичны на фоне синхронных групп Западной Сибири как представлялось ранее (Полосьмак и др., 1989; Чикишева, 2012). Суммарные серии из сопредельных с Барабой лесостепных районов Новосибирско-Каменского Приобья и Кузнецкой котловины очень сходны с суммарной барабинской, и вместе проявляют комплекс признаков, противоречивый с точки зрения исторической корреляции – среднепрофилированное по горизонтали на обоих уровнях мезогнатное лицо и средневыступающее переносье в сочетании с малым (иногда очень малым) углом выступления носовых костей, причем уровень профилировки лица относительно переносья несколько выше. Дополняется этот краниологический комплекс длинной долихокранной мозговой коробкой, средней или большой высотой черепа, среднешироким наклонным лбом, широкими и относительно низкими лицом и орбитами (табл. 1). Черепа из Среднего Прииртышья и Тоболо-Ишимья при сильнее профилированном переносье и выступающими носовыми костями, в целом близки этой характеристике и морфологически примыкают к более восточным группам из лесостепной полосы Западной Сибири. По всей видимости, это указывает на существовании антропологической общности древнего населения лесостепной зоны Западно-Сибирской равнины. Довольно неожиданно, что определяющие её морфологическую специфику в строении лицевого скелета признаки, в целом, характеризуют популяциях близкого к современности населения лесостепной, таежной и тундровой полосы Западной Сибири, антропологический облик которого послужил выделению самостоятельной западносибирской антропологической формации (Дремов, Багашёв, 1998; Багашёв, 1998; 2017). Судя по всему, расо-генетической основой населения неолита южной части Западно-Сибирской низменности служит специфический комплекс признаков, являвшийся предковым для народов западносибирской расы, которая сформировалась, во-многом, в результате консервации протоморфных недифференцированных черт в условиях относительной географической изоляции (Багашёв, 1998; 2017, с. 349).

Проведённый канонический анализ суммарных региональных серий эпохи камня и меди дает основания утверждать, что при большем территориальном масштабе рассмотрения древнее

население центральных регионов севера Евразии морфологически дифференцировалось, в первую очередь, в западно-восточном отношении. Результаты межгруппового сопоставления серий (особенно мужских) мезолита, неолита и энеолита этой территории демонстрируют значительные отличия всех сибирских групп от синхронных и предшествующих по времени популяций лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Последние образуют отдельную совокупность со своей сложной структурой, географически и морфологически обособленную от всех азиатских популяций. Вероятно, ее расо-генетической основой являлся древний европеоидный пласт мезолитического населения северо-запада Русской равнины включая Прибалтику, и нео-энеолитические потомки в лице населения лесных и лесостепных районов Восточной Европы. Непосредственного влияния этого европейского мезолитического морфогенетического пласта на неолитическое население лесостепи Западной Сибири по результатам анализа краниологических серий не прослеживается. К морфологически восточно-европейским группам по результатам анализа следует относить и европеоидную серию мезо-неолитических черепов Южного и Среднего Урала. Поэтому в таксономической структуре восточно-европейских групп возможно найти основания для выделения т.н. «уралоидного» краниологического варианта, обосновываемого в первую очередь по антропологическим материалам мезолита, неолита и энеолита Волго-Уралья прежде всего по признакам умеренной горизонтальной профилировки лицевого отдела (Хохлов, Яблонский, 2000; Хохлов, 2017; Хохлов, Григорьев, 2023; и др.). Однако в целом анализируемые мезо-неолитические группы лесного Урала и лесостепного Приуралья, как и большинство восточно-европейских лесных популяций, следует признавать принадлежащими к варианту северной ветви древних европеоидов.

В этой связи отметим, что таксономическая ценность назо-малярного и зиго-максиллярного углов для исследования древнего и современного населения Евразии, как зоны взаимодействия европеоидного и монголоидного расовых стволов, неоднократно обсуждалась в антропологических работах (основные из них: (Герасимова, 1986, с. 228)). Подчеркнем лишь, что у древнего европеоидного населения даже западной части ареала, на территориях заведомо без предполагаемого влияния монголоидного компонента, нередко фиксируются средние величины углов горизонтальной профилировки лица (особенно назо-малярного), что рассматривается, в частности, как наследие протоморфных стадий расообразования (Якимов, 1958; 1960б; Гохман, 1966; Алексеев В.П., 1979; Бунак, 1980; и др.). В этой связи особую значимость приобретает заключение М.М. Герасимовой (1986, с. 228) о неравнозначности понятий «уплощенность» и «монголоидность», первое из которых чисто морфологическое и более широкое. Теоретический вывод, согласно которому ареалы отдельных монголоидных признаков в древности были шире, чем ареал монголоидного комплекса (Герасимова, 1986), сохраняет свою актуальность и подтверждается новыми материалами, а также может быть распространен в отношении более широкого круга древних краниологических находок.

Выраженное морфологическое обособление восточно-европейских групп поздних периодов эпохи камня и раннего медного века вместе с уральской на фоне всех сравнительных азиатских серий не дает возможность рассматривать европеоидное мезолитическое население севера Восточной Европы в качестве предкового для популяций Западной Сибири. Даже морфологически наиболее «западные» среди лесостепных западносибирских групп – представленные краниологическими материалами неолита Барабинской лесостепи, в частности, из могильников Протока и Сопка 2/1 (Полосьямак и др., 1989); Новосибирско-Каменского Приобья, где был выделен европеоидный тип Ордынско-Раздумья (Дремов, 1985); Кузнецкой котловины (Алексеев, 1961); из Ботая, Гладунино-3 и других могильников в Тоболо-Ишимье (Рыкушина, 1984; Хохлов, Нечвалода, 2002; Колбина, Солодовников, 2023; и др.) – морфологически отделяются от европеоидов Восточной Европы и образуют собственную совокупность.

Аналогично этому, современное население Западной Сибири согласно концепции А.Н. Багашёва расо-генетического развития народов Северной Азии (1998; 2017), характеризуется

особенностями западносибирской локальной расы (антропологической формации) в составе нескольких надпопуляционных общностей, имеющих свою географическую и этнолингвистическую приуроченность. Из ее состава следует исключать как современные популяции приуральского и поволжского населения Восточной Европы, относящегося к приуральскому (субуральскому, урало-лапоноидному) антропологическому типу, образующего восточную ветвь беломоро-балтийской или североевропейской (балтийской) локальной расы, так и расположенные к востоку от Западной Сибири популяции североазиатской монголоидной расы (Там же). Данные выводы находят подтверждение и в соматологических материалах (Аксянова, 2003; 2008; и др.). В случае возможного признания предковым для неолитических западносибирских групп древнего населения, морфологически сходного с популяциями мезолита или неолита севера Восточной Европы, другим объяснением отличий западносибирских групп от сходных между собой уральской и большинства лесных и лесостепных восточно-европейских серий следует предполагать значительное модифицирующее воздействие населения гипотетического низколицего монголоидного типа таежных районов Западной Сибири на лесостепные популяции (Дремов, 1997; Багашёв, 1998; 2017), что также заставляет признавать давность их самостоятельной линии расо-генетического развития. Но в любом варианте объяснения следует констатировать существенные морфогенетические отличия сибирского в целом, и западносибирского населения в частности, от популяций мезолита и неолита лесной и лесостепной полосы Восточной Европы, в состав которого по антропологическим критериям следует включать и лесное уральское население, представленное черепами шигирской культуры, из Бурановской пещеры и грота Дождевой Камень.

Одновременно с этим, нельзя полностью отрицать и изначальную западно-евразийскую подоснову формирования неолитического населения Западной Сибири, в результате чего его антропологический тип относительно сходен с протоевропейским типом мезо-неолитического населения севера Восточной Европы с определёнными особенностями расогенеза и специфики физического облика (Багашёв, 2017). В пользу этого могут свидетельствовать различия преобладающих морфогенетических связей мужских и женских групп юга Западной Сибири по результатам многомерного статистического анализа. Если все мужские западносибирские серии вместе с группами Южной и Восточной Сибири являют морфологический разрыв с восточно-европейскими, то женские группы с территории Западной, и отчасти Южной Сибири, демонстрируют более тесную связь с популяциями Восточной Европы, вместе проявляя значительную морфологическую дистанцию с наиболее монголоидными восточносибирскими сериями (рис. 1, 2). Возможная причина этих различий кроется в явлении генотипического полового диморфизма, в соответствии с которым утрачиваемые гены концентрируются в женском генотипе и передаются преимущественно по женской линии. Соответственно, женские формы фенотипов показывают исходное состояние как наследие предшествующей эпохи, тогда как мужские формы – число источников и направление генных потоков (Геодакян, 1989).

Среди серий мезолита, неолита и энеолита севера Восточной Европы суммарная выборка черепов из погребений культур ямочно-гребенчатой керамики является единственной, которая по результатам межгруппового анализа демонстрирует существенные краниологические отличия от синхронных и предшествующих восточно-европейских групп. Отличия эти фиксируются, прежде всего, по «западно-восточному» морфологическому вектору, а уровень ослабления европеоидных особенностей данной сборной серии «лесного неолита» Восточной Европы соответствует группам лесостепных районов Западной Сибири, а именно западной их части. Расценивать это можно как свидетельство участия групп исходно западносибирского происхождения в формировании антропологической структуры населения культур ямочно-гребенчатой керамики Восточной Европы. О влиянии населения с востока на формирование антропологического облика людей ямочно-гребенчатой общности лесной полосы Восточной Европы писалось антропологами и ранее (Денисова, 1975; Гохман, 1986; Алексеева, 1997; Алексеева,

Круц, 1999; и др.). Так, И.И. Гохманом была выдвинута гипотеза о формировании антропологического состава древнего населения северо-запада и севера восточно-европейской части Русской равнины в результате взаимодействия трех локальных антропологических типов: североевропейского, южноевропейского и восточно-европейского (уральского) (Гохман, 1986). По данным Т.А. Алексеевой и С.И. Круц, появление населения культуры ямочно-гребенчатой керамики, характеризующегося мезокефалией, некоторой уплощенностью лица в области зиго-максиллярного угла, ослаблением выступа носа, значительно разнообразило облик жителей Восточно-Европейской равнины в эпоху неолита. Распространяясь достаточно широко по ее территории, оно смешивалось с носителями европеоидных черт, связанных с северо-западом Европы. Данная монголоидная примесь, идущая, по-видимому, из-за Урала, большого воздействия на облик населения не оказала, хотя и оставила некоторый след (Алексеева, Круц, 1999, с. 254-260). Данное направление расо-генетических связей отдельных групп населения лесной (Казарницкий, 2008) и даже субарктической полосы (Хартанович и др., 2019) Восточной Европы с популяциями Западной и Южной Сибири наблюдается и в более позднее время – во II тыс. до н.э. Результаты анализа, проведенного в данной работе, позволяют уточнить, что в отношении населения культур ямочно-гребенчатой общности речь должна идти не о монголоидной примеси, а об антропологическом компоненте с морфологическими особенностями западносибирской расы в ее древнем варианте.

На восточном фланге центральных регионов севера Евразии серии черепов культур раннего и позднего неолита Байкальского региона, подобно западносибирским из Барабинской лесостепи, Новосибирско-Каменского Приобья и Кузнецкой котловины образуют устойчивую морфологическую совокупность, основой которой по всей видимости является палеосибирский антропологический тип. Судя по положению мужских черепов мезолита Циркумбайкалья на поле первого и второго канонических векторов (рис. 1), его формирование, по-видимому, связано с донеолитическим периодом. Судя по морфологическому сходству мужских черепов мезолита Циркумбайкалья в среднем с более поздними группами раннего и позднего неолита Ангары и Верхней Лены (рис. 1), а также сходству населения глазковской культуры ранней бронзы с предшествующим поздненеолитическим (напр.: (Мамонова, 1973; 1983; Козинцев, 2021)), можно предполагать большую древность и устойчивость для данной территории на протяжении продолжительного периода раннего и среднего голоцена характеризующего его комплекса признаков. Поэтому многообразие морфологических черт строения мозгового и лицевого отделов черепа у групп древнего населения Байкальского региона, определяемое при использовании описательного подхода к краниологическим материалам различных периодов (напр.: (Базалийский и др., 2013, с. 100-102)), а также некоторые различия между ними, выявляемые статистически при сопоставлении краниометрических и дискретно-варьирующих данных (Мовсесян, Пежемский, 2013; и др.) при межгрупповом сравнении на североевразийском фоне представляются не существенными чтобы отказываться от выделения палеосибирского антропологического типа как самостоятельной таксономической единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сложный и многоуровневый характер морфогенетических связей древних популяций срединных областей Северной Евразии, их не полное совпадение в мужской и женской частях, вероятно, свидетельствуют о существовании нескольких антропологических пластов разной хронологической глубины. Имеющиеся данные приводят к выводу, что ни гипотеза взаимодействия европеоидного и разнотипного монголоидного населения на территории Западной Сибири в эпоху неолита (Дремов, 1997; Зах, Багашёв, 1998), ни концепция существования северной евразийской и южной евразийской антропологических формаций при воздействии третьей недифференцированной палеосибирской группы популяций (Чикишева, 2012), не могут в полной мере объяснять сложную картину расо-генетической дифференциации, влияющую на сложение антропологического покрова центральных регионов Северной

Евразии в мезолите, неолите и энеолите. Одним из возможных вариантов ее интерпретации, как представляется, является необходимость включения в состав северной евразийской антропологической формации (Бунак, 1980) наряду с группами мезолита и неолита севера Восточной Европы и неолита Барабинской лесостепи (Чижишева, 2012) также морфологически сходные с последними группы неолита-энеолита Среднего Прииртышья и более восточных территорий Новосибирско-Каменского Приобья и Кузнецкой котловины. Однако, по результатам проведенного анализа полагаем более обоснованным другой вариант таксономии антропологических общностей древнего населения севера центральных областей Евразии. Учитывая морфологическую дистанцию всех азиатских групп от подавляющего большинства восточно-европейских, предлагаем отказаться от термина «северная евразийская антропологическая формация» в отношении совокупности краниологических материалов мезолита, неолита и энеолита с территории лесной полосы Восточной Европы и лесостепных районов Западной Сибири (Там же). Подобно тому, как близкое к современности население Приуралья согласно новейшему варианту антропологической классификации народов Северной Евразии по краниологическим данным следует исключать из состава западносибирской антропологической формации, и относить к самому восточному варианту беломоро-балтийской расы северной ветви европеоидного ствола (Багашёв, 1998; 2017), так и группы мезолита-неолита этой территории предлагаем относить к древним восточным вариантам северных европеоидов. В литературе неоднократно отмечалось ослабление европеоидных особенностей на многих древних краниологических находках лесной зоны Восточной Европы по сравнению с более южными европеоидными группами степной полосы. Однако по результатам нашего анализа на североевразийском морфологическом фоне мезо-неолитические и энеолитические группы севера Восточной Европы, в том числе относимые к особой «уралоидной» антропологической формации (Хохлов, 2017, с. 37-40; Хохлов, Григорьев, 2023) проявляют выраженные европеоидные параметры.

Некоторое сходство популяций лесной и лесостепной полосы Восточной Европы и Урала с нео-энеолитическими западносибирскими группами могло являться фенотипическим проявлением миграционных процессов и метисации, все же не нарушивших основное направление расо-генетических связей с более западными областями северной части Восточной Европы. Напомним, что «северная евразийская антропологическая формация» выделялась под разными наименованиями (светлый сублапоноидный тип, древнеуральский тип (раса), протоазиатская формация) прежде всего на соматологических материалах исследованных групп современного (и, преимущественно, восточно-европейского населения) на основании комплекса признаков, включающего посветление пигментации волос и глаз вместе с более или менее выраженными монголоидными особенностями в строении лица (Бунак, 1958; 1980; Витов и др., 1959; Марк, 1964; 1974; 2000; Давыдова, 1986; 1989; 1992; 1997; и др.). Однако, при исключении позднейшей возможной восточно-европейской примеси, это сочетание не встречается в популяциях коренного населения лесостепной, лесной и тундровой полосы Западной Сибири¹.

В отношении палеоантропологических материалов неолита-энеолита лесостепных районов Западной Сибири с комплексом краниологических признаков древнего варианта западносибирской расы, исходя из географической локализации, предлагаем вернуться к термину «древняя протоазиатская формация» (Бунак, 1956; Багашёв, 1998). Ее ареал в данную эпоху ограничивался с юга степной зоной, на пограничье с которой в лесостепных и, по-видимому, степных районах Обь-Иртышья происходило взаимодействие с популяциями южной евразийской антропологической формации. При большем масштабе рассмотрения древних групп с

¹На это обратила наше внимание к.б.н, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии ИЭА РАН (г. Москва) Галина Андреевна Аксянова, которой, пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю признательность за многолетнее плодотворное обсуждение проблем расогенеза населения Северной Евразии.

территории Сибири можно проследить подобное клинальной изменчивости нарастание восточных морфологических черт с запада на восток, вероятно, вследствие локальных миграций и генного потока. На территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы определенное сходство отдельных древних групп населения с западносибирскими популяциями по некоторым особенностям, напоминающим монголоидные, также следует расценивать как проявление миграций с зауральской территории и метисации с местным древним европеоидным населением. Относительное сходство по этим признакам, как и у современных популяций (Багашёв, 2017), носит скорее всего фенотипический, а не генетический характер, и не отражает общности происхождения.

В заключение отметим также, что эти выводы в значительной степени соответствуют полученным А.Г. Козинцевым по результатам анализа краниологических и палеогенетических данных (Козинцев, 2021). Отличием является лишь тяготение серии неолита-энеолита Среднего Прииртышья с небольшим добавлением материалов к группам не южной евразийской антропологической формации, а к лесостепным западносибирским, выделяемым в протоазиатскую формацию. Также отметим, что территориальные кластеры краниологических серий населения культур ранней бронзы и предшествующего неолитического своих территорий (енисейский, алтайский и барабинский) Южной и юга Западной Сибири (Козинцев, 2020) следует с мезолитического времени дополнить прибайкальским, а вопрос об антропологических особенностях групп неолита и бронзы Забайкалья требует отдельного рассмотрения. Однако в целом результаты нашего исследования находятся в соответствии с важным выводом, что обнаруживаемые градиенты направленные от Восточной Сибири к Восточной Европе свидетельствуют, видимо, не столько о смещении, сколько о незавершенности процесса дифференциации бореального надрасового ствола (Козинцев, 2021).

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ (проект № 24-28-01030).

ЛИТЕРАТУРА:

- Акимова М.С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // ТИЭ. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 268–282.
- Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 55–65.
- Аксянова Г.А. К антропологической характеристике южных удмуртов // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 110–125.
- Аксянова Г.А. Итоги расогенетических исследований обских угров // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3(4). С. 20–26.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. (ТИЭ. т. 71). С. 107–206.
- Алексеев В. П. Горизонтальный профиль и развитие носовой области у мезолитического и ранненеолитического населения бассейна Дуная (могильники Власац и Лепенски Вир) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 40–51.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 155–158.
- Алексеева Т.И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских могильников). М.: Науч. мир, 1997. С. 18–41.
- Алексеева Т.И., Круц С.И. Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 1999. С. 254–278.

- Багашёв А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 303–327.
- Багашёв А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. с. 438–446.
- Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 407 с.
- Базалийский В.И., Лозей Р.Д., Пежемский Д.В., Гарвье-Лок С., Жермонпре М., Леонард Д.А. Комплекс эпохи мезолита с погребением волка в Прибайкалье // Российская археология. 2013. № 3. С. 92–104.
- Беневоленская Ю.Д. К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Европы. Л.: Наука, 1984. С. 37–54.
- Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. 1956. № 1. С. 86–105.
- Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Васильев С. В., Смольянинов Р.В., Боруцкая С. Б., Бессуднов А.Н. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово б) // Stratum plus. 2018. № 2. С. 167–195.
- Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. II. М., 1959. 239 с.
- Геодакян В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека. Человек в системе наук, М., Наука, 1989. 504 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. М. 1955. т. 28. 586 с.
- Герасимова М.М. Неолитические погребения у Долгого озера (Канск) // Вопросы антропологии. 1964. Вып. 18. С. 134–143.
- Герасимова М.М. Краниологический материал из могильника Шумилиха (Предварительные данные) // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1981. С. 32–37.
- Герасимова М. М. Еще раз о древней монголоидности в Европе // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986. С. 227–234.
- Герасимова М.М. Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. Иркутск: (б. и.), 1992. С. 97–111.
- Герасимова М.М. Отечественная палеоантропология: проблемы, методология и методы // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. Вып. 30. М.: Наука, 2004. С. 45–85.
- Герасимова М. М., Пежемский Д. В. Мезолитический человек из Песчаницы: комплексный антропологический анализ. Москва: (б. и.), 2005. 126 с.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Разрешающие возможности палеоантропологических исследований // Палеоантропология Беларуси (коллективная монография). Минск: Беларуская навука, 2015. С. 8–23 с.
- Герасимова М.М., Астахова С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. СПб.: Нестор-История, 2007. 240 с.
- Герасимова М.М., Васильев С.В., Фризен С.Ю., Боруцкая С.Б., Жамбалтарова Е.Д. Палеоантропологическое исследование Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита - энеолита // Вестник антропологии, 2010. Вып. 18. С. 113–127.
- Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966. 196 с.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980 (СМАЭ. Т. XXXVI). С. 5–34.

- Гохман И.И. Новые палеоантропологические материалы эпохи мезолита в Каргаполье // Проблемы древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 6–27.
- Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 215–222.
- Давыдова Г.М. Формирование северных манси как народа уральской расы // Этнические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. с. 174–197.
- Давыдова Г.М. Антропология манси. М.: Изд-во ин-та этнографии АН СССР, 1989. 160 с.
- Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: (б. и.), 1992. С. 5–14.
- Давыдова Г.М. Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразие человеческого рода. Часть 1. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 214–242.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.-Л. 1948. Вып. 4. 391 с.
- Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Урала // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, Вып. XVIII. М., 1953. С. 66–68.
- Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.
- Денисова Р.Я. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Науч. мир, 1997. С. 42–54.
- Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.
- Дремов В.А. Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1985. С. 3–16.
- Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.
- Дремов В.А., Багашёв А.Н. Антропологическое своеобразие коренных народов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 292–303.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы эпохи неолита с территории Русской равнины // Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина). М.: МГУ, 1993. С. 60–69.
- Жиров Е.В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. 1940. Т. VI. С. 51–54.
- Зах В.А., Багашёв А.Н. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Ч. 1. с. 194–202.
- Казанцев А.И., Хороших П.П. Неолитические погребения в районе Ангарской гидроэлектростанции // Записки Иркутского краеведческого областного музея. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958. С. 43–50.
- Казарницкий А.А. Новые краниологические материалы из Шагарского могильника // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 193–200.

- Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1 – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул, 1995. С. 95–117.
- Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // ААЭЕ. 2020. Т. 48, № 4. С. 135–145.
- Козинцев А. Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) // ААЭЕ. 2021. Т. 49. № 4. С. 140–151.
- Колбина А.В., Солодовников К.Н. Палеоантропологические материалы энеолитических погребений Тургайского прогиба (Северный Казахстан) // Антропологические сюжеты: Исследования друзей и коллег Сергея Васильева по случаю его 60-летия. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 110–137.
- Купцова Л.В., Зарецкая Н.Е., Моргунова Н.Л., Хохлов А.А. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у с. Лабызы) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2019. № 1. С. 131–39.
- Левин М.Г. Антропологический материал из Верхоленского могильника // Антропологический сборник I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (ТИЭ; т. 33). С. 299–339.
- Мамонова Н.Н. Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево // Голоцен. М.: Наука, 1969. С. 145–151.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 18–28.
- Мамонова Н.Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 64–88.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. С. 88–103.
- Марк К.Ю. Антропология волжских и пермских финно-угорских народов // Доклады VII Международного конгресса антропол. и этногр. наук. М.: Наука. 1964. 13 с.
- Марк К.Ю. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 11–18.
- Марк К.Ю. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их этногенеза // Антропология современных финно-угорских народов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 153–164.
- Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.
- Мкртчян Р.А. Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм» и Хвалынский): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Мовсесян А.А., Пежемский Д.В. Существовала ли генетическая преемственность между населением различных этапов Прибайкальского неолита? // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2015. № 3. С. 94–104.
- Хартанович В.И., Зубова А.В., Моисеев В.Г. Антропологические материалы // Кольский Оленостровский могильник (1925-2013). Вологда: ООО «Древности Севера», 2019. С. 353–404.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А., Новиков А.В. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 66–98.
- Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В. Человек из Нижней Джилинды I (предварительное сообщение) // Вестник антропологии. Вып.4. М: Изд-во МГУ, 1998. С. 115–135.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. 2009. № 5. С. 20–56.
- Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев: Институт археологии НАНУ, 1999. 208 с.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1984. С. 121–136.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–70.
- Солодовников К.Н., Багашёв А.Н., Тур С.С., Громов А.В., Нечвалода А.И., Кравченко Г.Г. Источники по палеоантропологии неолита-энеолита Среднего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 116–136.
- Солодовников К.Н., Багашев А.Н., Савенкова Т.М. Ареалы антропологических общностей населения неолита Юга Западной и Средней Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 158–167.
- Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита: Обзор источника и подробный анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publishing AG & Co. KG, 2012. 154 с.
- Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.
- Хохлов А.А., Григорьев А.П. Черепа лесостепного Волго-Уралья мезолита-энеолита в системе синхронных краниологических материалов северной части Евразии // Прочнее меди: Сборник статей к 80-летию В. А. Дергачева. Кишинэу: Stratum plus, 2023. С. 553–566.
- Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино-3 // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 32–38.
- Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2000. С. 278–307.
- Чикишева Т.А. Палеоантропологические находки неолитического времени с территории Среднего Зауралья // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1991. № 2. С. 56–60.
- Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 1. С. 139–148.
- Чикишева Т.А. Антропологический тип населения северных предгорий Алтая // Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Приложение 1. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. С. 72–83.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В. Краниологические особенности палеопопуляции неолитического могильника Венгерова-2А в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2(12). С. 56–74.
- Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 163–183.
- Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Шпакова Е.Г., Мыльникова Л.Н. Случайная краниологическая находка из Верхнего Приобья.

Тогучинский район, Иня-4 // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.1. Новосибирск: Изд-во ИАИЭТ СО РАН, 1998. С. 693–701.

Яблонский Л.Т. Древнейшее население Южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи (ТХАЭЭ. Т. 15). М.: Наука, 1986. С. 79–122.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (Меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: (б. и.), 1992. С. 135–149.

Яблонский Л.Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки / Тр. ГИМ. М., 1994. Вып. 85. С. 158–177.

Якимов В.П. Начальные пути заселения Восточной Прибалтики // Балтийский этнографический сборник. М., 1956. С. 245–272.

Якимов В.П. О древней «монголоидности» в Европе // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1958. Вып. 28. С. 86–91.

Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. XIX. С. 221–359.

Якимов В.П. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей // Вопросы антропологии. 1960б. Вып.4. С. 62–70.

Allentoft M.E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Vol. 625, No. 7994. P. 301–311.

Bagashev A.N. On the problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, Korea. 1994. № 16. P. 171–198.

THE PROTO-ASIAN FORMATION OF THE ANCIENT POPULATION OF WESTERN SIBERIA AND ITS PLACE IN THE NORTHERN EURASIA POPULATION STRUCTURE

¹A.N. Bagashev, ^{2,3} K.N. Solodovnikov

¹- Center for Ethnoecological and Technological Research of Siberia (Tyumen)

² – Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS (Tyumen)

³ – Altai State University (Barnaul)

ABSTRACT

The article systematizes the Mesolithic, Neolithic and Chalcolithic crania from the central part of Northern Eurasia and provides their multidimensional statistical analysis. The complex and multi-level character of the morphological variability of this population groups has been confirmed. It is suggested that Neolithic – Chalcolithic crania of the forest-steppe zone of Western Siberia represent an ancient variant of the West Siberian ancestry – Proto-Asian formation.

 KEY WORDS: Neolithic age, Eneolithic age, Western Siberia, paleoanthropology, craniometry, proto-Asian formation

ОБ АВТОРАХ:

Багашев Анатолий Николаевич, д.и.н., Центр этноэкологических и технологических исследований Сибири, Тюмень

Солодовников Константин Николаевич, к.и.н. Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень; Алтайский государственный университет, Барнаул. solodk@list.ru